

«Женя умерла 28 декабря в 12.30 час утра 1941 г.

Бабушка умерла 25 янв. 3 час дня 1942 г.

Лека умер 17 марта в 5 час утра 1942 г.

Дядя Вася умер 13 апр. 2 ч. ночь 1942 г.

Дядя Леша 10 мая в 4 ч. дня 1942

Мама 13 мая в 7.30 час утра 1942 г.

Савичевы умерли. Умерли все».

Это строчки из дневника

ленинградской девочки Тани Савичевой.

Таню Савичеву теперь знает весь мир. Ее судьба стала символом страданий и героической стойкости ленинградцев в годы Великой Отечественной войны. Ее дневник стал обличительным документом против фашизма на Нюрнбергском процессе.

Ребята из села Понетаевка случайно узнали, что Таню Савичеву вместе с детдомом эвакуировали из блокадного

Ленинграда в их Горьковскую область.

А в старинном особняке в годы войны жили дети из Ленинграда, об этом знает все село. Может, и Таня жила здесь, училась в нашей школе?

— Надо спросить Ольгу Петровну Вереину, она в школе работала во время войны,— подсказали ребятам. Так начался поиск.

РАССКАЗ ОЛЬГИ ПЕТРОВНЫ

— Раненых привозили со станции на лошадях. В этом здании размещались и детдом и госпиталь. Один офицер был ранен в голову, его кормили с ложки. Он позвал учителя литературы из школы. Я пришла.

— Простите, говорит, оторвал вас от дела. Я тоже учитель литературы. В Смоленской области моя семья, ученики. О них ничего не знаю. В саду я закопал книги, картины...

Раненый начинал бредить, вдруг привставал, словно рвался в бой, снова откидывался на подушку, начинал в бреду читать стихи. Офицера звали Павел Александрович Щукин. Я привела в палату класс. Раненый учитель дал свой первый урок по «Евгению Онегину».

Идут, помню, мои ребяташки из госпиталя и молчат. Вдруг кто-то:

— Давайте отыщем его семью, учеников. Честное слово, поднимется тогда Павел Александрович.

Вот когда родился отряд «Искатели».

Следопыты нашли жену и маленькую дочку смоленского учителя, и еще — его ученицу Зину. Вместе читали письма от Зины из партизанского отряда. Учитель умер.

В классе моем в военные годы учились не только сельские ребяташки, но и дети из Ленинграда. Около пятого корпуса детского дома они

посадили десять березок, ухаживали за ними. И сегодня живы четыре березки.

Сельские ребята пришли, посмотрели, как живут ленинградцы, и тут же стали им помогать.

Вася Дурнайкин первым показал пример. Каждое утро перед началом занятий в школе он заходил за Колей Егоровым в детдом, сажал его себе на спину и нес в школу. Потому, что Коля был без ног. Коля успешно окончил десятилетку, отказался от пенсии, выучился, стал бухгалтером и работает в нашей области. Другие детдомовцы — Миша Тихомиров — стал учителем, Саша Буланов — баянистом. Они работают в Починковском районе.

Девочки Тани Савичевой в школе не было, точно не было. Может быть, кто-то из старых колхозниц вспомнит? У Пунтиковых в доме жила ленинградская девочка, — навела на мысль Ольга Петровна.

Отряд разделили на звенья. Отправились к старожилам.

Стоял теплый сентябрь, пора копки картофеля. У бабушки Магуриной забот полон рот — с утра на своем огороде, да уж силы не те стали. Вдруг откуда ни возьмись десять пар проворных ребячьих рук на помощь подоспели. За вечерним чаем старая колхозница рассказала, как в войну работали женщины и дети, пахали на волах, вязали снопы, спали в сырых землянках прямо в поле. А Таню бабушка не знала.

В этот же вечер Юра Фролов осторожно отворил калитку своей соседки — пенсионерки Екатерины Кондратьевны Рыжонковой, спросил про Таню. Потом увидел, как нелегко ей одной справляться с хозяйством — натаскал из колодца целую бочку воды и выполол грядки. Каждое утро стал приносить из магазина хлеб.

Ребята узнали, что во многих домах их села жили эвакуированные ленинградцы. Каждое утро в детский дом колхозники приносили парное молоко, яйца, хлеб, картофель.

Отряд включил в поисковую

работу осенний десант под названием «Бабушкина картошка».

Девочку Таню Савичеву никто припомнить не мог.

Решили отправиться в село Красный Бор, что в 25 километрах от Понетаевки. Там тоже жили дети из Ленинграда.

В КРАСНОМ БОРУ

После школы к бабушке Насте прибегает внучка-пятнадцатилетка. Наскоро моет руки, садится за обеденный стол, протягивает дневник и вопросительно смотрит на бабушку.

И вот они, понетаевские следопыты, в селе Красный Бор, в доме бабушки Насти. Затаив дыхание, слушают, как поезд с ребятами попал под бомбежку, чудом прорвался сквозь огонь, и в августе 1942 года дети ленинградского детского дома № 48 приехали в село Красный Бор.

Начались хлопоты: как устроить детей, накормить. И спасти, спасти всех до одного!

У памятной стены

В один день заброшенную избу переоборудовали в баню и прачечную. Старики из деревни Елховка получили срочный заказ — изготовить ушата и корыта. Через несколько суток ушата были готовы.

Но дети сами не могли даже передвигаться. Первый раз в баню их понесли на одеялах. Медсестра Нина Михайловна собрала все село, и повела в лес — собирать плоды шиповника и молодую хвою. Из них делали витаминные пасты.

Комсомолке Насте Знатной дали детдомовскую группу старших девочек от 12 до 16 лет. Была в ее группе девочка Таня, которую любили все. Анастасия Григорьевна так описала Таню: «Рослая, худенькая, лицо удлинненное, густой ежик светлых волос, небольшие серо-голубые глаза, ласковая с грустинкой улыбка. Состояние здоровья постоянно угрожающе-опасное».

ТАНЯ

— Танечка, никто из нашей деревни не был в Ленинграде. Вот поднимешься, война кон-

чится, вместе поедем. В гости меня приведешь. Найдешь ли улицу свою, дом, Танечка?

Осуждающий взгляд:

— У меня нет родных, нас никто не встретит.

— Не надо об этом, девочка! Вот ешь блин, пока горячий... А вот земляника. Это мальчишки наши деревенские принесли.

Но состояние девочки не улучшалось.

Отвозила Таню на детдомовской лошади Задачке в Понетаевский дом инвалидов медсестра Нина Михайловна. Двадцать пять километров до Понетаевки.

А Таня не поправлялась. Вот она в красном с черными ягодами фланелевом халате стоит у ворот.

Воспитательница оглянулась в последний раз, помахала рукой, увидела грустную фигурку высокой стриженной девочки в красном халате. Такой запомнила на всю жизнь.

Из 140 истощенных, израненных ленинградских ребятшек Красному Бору не удалось поднять только ее.

ИЩЕМ И НАХОДИМ!

По дороге домой искатели решили во что бы то ни стало поднять все архивные документы бывшего Понетаевского детского дома. Темная кладовая. Ну и тяжеленная крышка у этого архивного сундука! Пожелтевшая от времени бумага.

Тоненькая папка. Кто-то вдруг с замиранием в голосе роняет: «Личное дело № 293... Савичевой Татьяны Николаевны!»

Первая страница: «Прибыла 7 марта 1944 года, убыла — год 1945». Куда убыла?

Вот она, книга регистрации детей, поставленных на продовольствие. Как это раньше на нее не обратили внимания! Против фамилии Савичевой значилось: «Выбыла 23 мая 1944 года в Шатковскую больницу».

На следующий день после

занятий Ольга Петровна и Валия Паутова выехали в Шатки.

А потом они сидели в маленьком деревянном доме старой больничной санитарки Анны Михайловны Журкиной, отогревались горячим чаем с вареньем.

— Девочку эту как сейчас вижу, смиренная такая, ласковая... Состояние ее было тяжелое, почти не вставала, — рассказывала Анна Михайловна..

— А где могила, не помни-те? — вырвалось у Вали.

Женщина задумалась:

— Ведь узнаю место. По старой березе узнаю...

Каждой весной, в мае, когда все вокруг зеленеет и радуется, на улице раздается чеканная дробь барабанов, праздничная колонна пионеров идет к памятнику на свидание с Таней. Приспущены знамена, склонены головы, легкий ветер перебирает алые галстуки. Здравствуй, Таня!

140 истощенных, израненных ленинградских ребят привезли в Красный Бор. Все село выхаживало их. 139 ребят выжили. Умерла одна Таня.

Л. КАЛИНИНА,
поселок Шатки
Горьковской области

Рисунки В. Лебедева